

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
С87

СЕРИЯ «СТРУГАЦКИЕ С КОММЕНТАРИЯМИ»

Серийное оформление и дизайн обложки: *Юлия Межова*
Иллюстрации *Дмитрия Никулушкина*

Стругацкие, Аркадий Натанович и Борис Натанович
С87 Стажёры/ Аркадий и Борис Стругацкие; Изд. адапт. и сокр. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 315, [2] с. (Стругацкие с комментариями).

ISBN 978-5-17-113596-6

Юрка Бородин только что получил диплом вакуум-сварщика и вместе с другими выпускниками отправился на стройки Сатурна. Но он опоздал на свой корабль и решил добраться на попутке. Попуткой оказался знаменитый «Тахмасиб». Облава на летающих марсианских пиявок, остатки инопланетной базы, след пришельца в доисторической пещере, высадка на Дион, полет к кольцам Сатурна...

«Стажёры» — о тайнах, о чуде. О будущем, в котором хотелось бы жить.

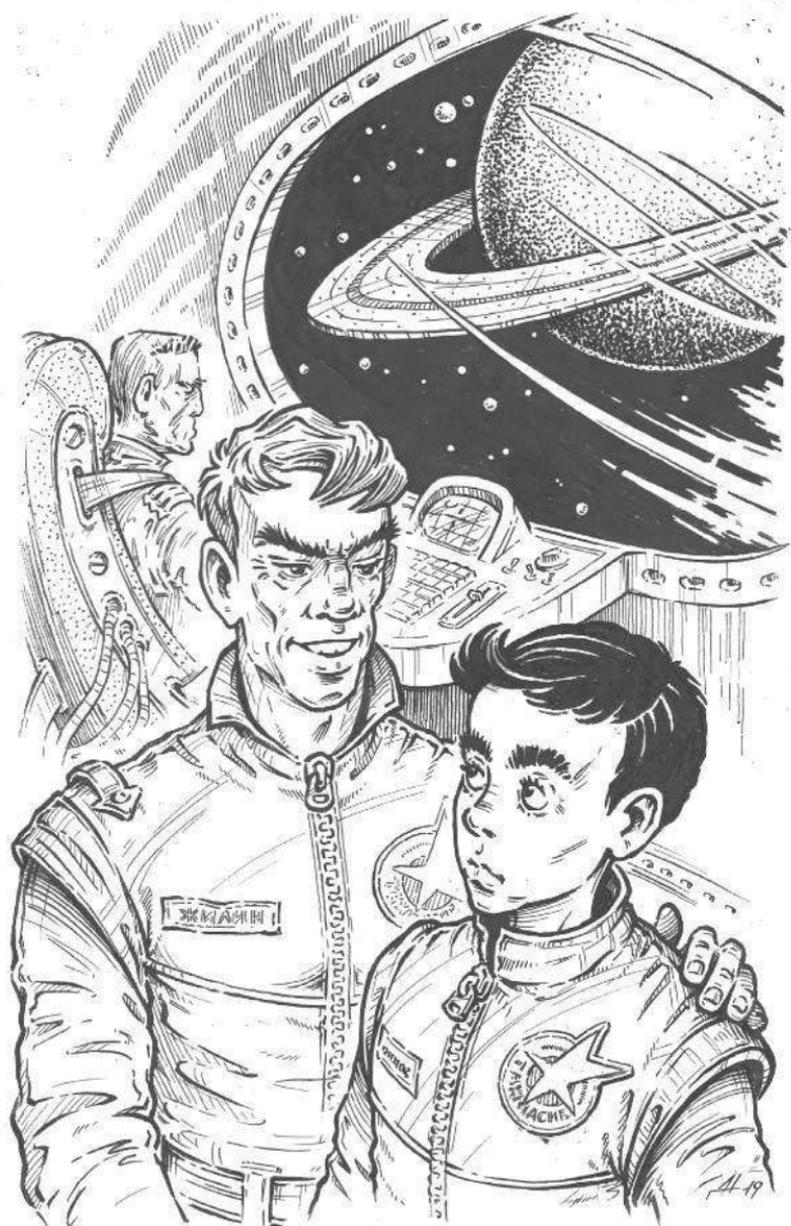
© Аркадий и Борис Стругацкие, наследники, текст, 2018
© ООО Дмитрий Никулушкин, ил., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

АРКАДИЙ И БОРИС
СТРУГАЦКИЕ

СТАЖЁРЫ

Москва
Издательство АСТ

ПРОЛОГ

Подкатил громадный красно-белый автобус и остановился, мерно похрюкивая двигателем. Отлетающих пригласили садиться.

— Что ж, ступайте, — сказал Дауге.

Быков проворчал:

— Успеем. Пока они все усядутся...

Он исподлобья смотрел, как пассажиры один за другим неторопливо поднимаются в автобус. Пассажиров было человек сто. Провожающих почему-то было совсем немного.

— Если они будут грузиться такими темпами, — сказал Гриша, — вам к старту не успеть.

Быков строго посмотрел на него.

— Застегни рубашку, — сказал он.

— Пап, жарко, — сказал Гриша.

— Застегни рубашку, — повторил Быков. — Не ходи расхлюстанный.

— Не бери пример с меня, — сказал Юрковский. — Мне можно, а тебе еще нельзя.

Дауге взглянул на него и отвел глаза. Не хотелось смотреть на Юрковского — на его уверенное рыхловатое лицо с брюзгливо отвисшей нижней губой, на тяжелый портфель с монограммой, на роскошный костюм из редкостного стереосинтетика*¹. Лучше уж было глядеть в высокое прозрачное небо, чистое, синее, без единого облачка, даже без птиц — над аэродромом их разгоняли ультразвуковыми сиренами.

Быков-младший под внимательным взглядом Быкова-старшего застегивал воротник. Юрковский томно сказал:

— В стратоплане* спрошу бутылочку эссенуков и выкушаю...

Быков-старший с подозрением спросил:

— Печенка?

— Почему обязательно печенка? — сказал Юрковский. — Мне просто жарко. И пора бы тебе знать, что эссенуки от приступов не помогают.

— Ты по крайней мере взял свои пилюли? — спросил Быков.

— Что ты к нему пристал? — сказал Дауге.

Все посмотрели на него. Дауге опустил глаза и сказал сквозь зубы:

¹ Здесь и далее знаком * отмечены слова и фразы, комментарии к которым даны в «Энциклопедии Стругацких» (с. 305 — 316).

— Так ты не забудь, Владимир. Пакет Арнаутову нужно передать сразу же, как только вы прибудете на Сырт.

— Если Арнаутов на Марсе, — сказал Юрковский.

— Да, конечно. Я только прошу тебя не забыть.

— Я ему напомню, — пообещал Быков.

Они замолчали. Очередь у автобуса уменьшалась. Пора было прощаться.

— Знаете что, идите вы, пожалуйста, — сказал Дауге.

— Да, пора идти, — вздохнул Быков. Он подошел к Дауге и обнял его. — Не печалься, Иоганьч, — сказал он тихо. — До свидания. Не печалься.

Он крепко сжал Дауге длинными костистыми руками, Дауге слабо оттолкнул его.

— Спокойной плазмы, — проговорил он.

Он пожал руку Юрковскому. Юрковский часто заморгал, он хотел что-то сказать, но только облизнул губы. Он нагнулся, поднял с травы свой великолепный портфель, повертел его в руках и снова положил на траву. Дауге не глядел на него. Юрковский снова поднял портфель.

— Ах, да не кисни ты, Григорий, — страдающим голосом сказал он.

— Постараюсь, — сухо ответил Дауге.

В стороне Быков негромко наставлял сына:

— Пока я в рейсе, будь поближе к маме. Никаких там подводных забав.

— Ладно, пап.

— Никаких рекордов.

— Хорошо, пап. Ты не беспокойся.

— Меньше думай о девицах, больше думай о маме.

— Да ладно, пап.

Дауге сказал тихо:

— Я пойду.

Он повернулся и побрел к зданию аэровокзала. Юрковский смотрел ему вслед. Дауге был маленький, сторбленный, очень старьй.

— До свидания, дядя Володя, — сказал Гриша.

— До свидания, малыш, — сказал Юрковский. Он все смотрел вслед Дауге. — Ты его навещай, что ли... Просто так, зайдй, выпей чайку — и все. Он ведь тебя любит, я знаю...

Гриша кивнул. Юрковский подставил ему щеку, похлопал по плечу и вслед за Быковым пошел к автобусу. Он тяжело поднялся по ступенькам, сел в кресло рядом с Быковым и сказал:

— Хорошо было бы, если б рейс отменили.

Быков с изумлением воззрился на него.

— Какой рейс? Наш?

— Да, наш. Дауге было бы легче. Или чтобы нас всех забраковали медики.

Быков засопел, но промолчал. Когда автобус тронулся, Юрковский сказал:

— Он даже не захотел меня обнять. И правильно сделал. Незачем нам летать без него. Нехорошо. Нечестно.

— Перестань, — сказал Быков.

Дауге поднялся по гранитным ступеням аэровокзала и оглянулся. Красное пятнышко автобуса ползло уже где-то возле самого горизонта. Там, в розоватом мареве, виднелись конические силуэты лайнеров вертикального взлета. Гриша спросил:

— Куда вас отвезти, дядя Гриша? В институт?

— Можно и в институт, — ответил Дауге.

Никуда мне не хочется, подумал он. Совсем никуда мне не хочется. Тяжело как... Вот не думал, что будет так тяжело. Ведь не случилось ничего нового или неожиданного. Все давно известно и продумано. И заблаговременно пережито потихоньку, потому что кому хочется выглядеть слабым? И вообще все очень справедливо и честно. Пятьдесят два года от роду. Четыре лучевых удара. Поношенное сердце. Никуда не годные нервы. Кровь и та не своя. Поэтому бракуют, никуда не берут. А Володьку Юрковского вот берут. А тебе говорят: «Григорий Иоганнович, довольно есть, что дают, и спать, где положат. Пора тебе, говорят, Григорий Иоганнович, молодых поучить». А чему их учить? Дауге покосился на Гришу. Вон он какой здоровенный и зубастый. Смелости его учить? Или здоровью? А больше ведь, по сути дела, ничего и не нужно. Вот и остаешься один. Да сотня статей, которые устарели. Да несколько книг, которые быстро стареют. Да слава, которая стареет еще быстрее.

Он повернулся и вошел в гулкий прохладный вестибюль. Гриша Быков шагал рядом. Рубаха у него была расстегнута. Вестибюль был полон негромких разговоров и шуршания газет. На большом, в полстены, вогнутом экране демонстрировался какой-то фильм; несколько человек, утонув в креслах, смотрели на экран, придержививая возле уха блестящие корочки фонодемонстраторов*. Толстый иностранец восточного типа топтался возле буфета-автомата. Он методически затакивал в автомат жетон за жетоном, задумчиво глядя на табличку с надписью «выключен». Двое ребятишек — мальчик и девочка лет четырех-пяти — стояли позади него, с любопытством следя за его манипуляциями.

— Пойду объясню ему, — сказал Гриша.

Дауге рассеянно кивнул.

У входа в бар Дауге вдруг остановился.

— Зайдем выпьем, тезка, — сказал он.

Гриша посмотрел на него с удивлением и жалостью.

— Зачем, дядя Гриша? — просительно сказал он. —
Зачем? Не надо.

— Ты полагаешь, не надо? — задумчиво спросил
Дауге.

— Конечно, не надо. Ни к чему это, честное слово.

Дауге, склонив голову набок, прищурившись,
взглянул на него.

— Уж не воображаешь ли ты, — ядовито произнес
он, — что я раскис от того, что меня вывели в тираж?
Что я жить не могу без этих самых таинственных бездн
и пространств? Извини, голубчик! Плевать я хотел на
эти бездны! А вот что я один остался... Понимаешь?
Один! В первый раз в жизни один!

Гриша неловко оглянулся. Толстый иностранец
смотрел на них. Дауге говорил тихо, но Грише каза-
лось, что его слышит весь зал.

— Почему я остался один? За что? Почему имен-
но меня... именно я должен быть один? Ведь я не са-
мый старый, тезка. Михаил старше, и твой отец тоже...

— Дядя Миша тоже идет в последний рейс, — роб-
ко напомнил Гриша.

— Да, — согласился Дауге. — Миша наш состарил-
ся... Ну, пойдем выпьем.

Они вошли в бар. В баре было пусто, только за сто-
ликом у окна сидела какая-то красивая женщина. Она
сидела над пустым бокалом, положив подбородок на
сплетенные пальцы, и смотрела в окно на бетонное
поле аэродрома.

Дауге остановился и тяжело оперся на ближайший столик. Он не видел ее лет двадцать, но сразу узнал. В горле у него стало сухо и горько.

— Что с вами, дядя Гриша? — встревоженно спросил Быков-младший.

Дауге выпрямился.

— Это моя жена, — сказал он спокойно. — Пойдем. «Какая еще жена?» — подумал Гриша с испугом.

— Может быть, мне пойти подождать в машине? — спросил он.

— Чепуха, чепуха, — сказал Дауге. — Пойдем.

Они подошли к столику.

— Здравствуй, Маша, — произнес Дауге.

Женщина подняла голову. Глаза ее расширились.

Она медленно откинулась на спинку стула.

— Ты... не улетел? — сказала она.

— Нет.

— Ты летишь позже?

— Нет. Я остаюсь.

Она продолжала смотреть на него широко раскрытыми глазами. Ресницы у нее были сильно накрашены. Под глазами сеть морщинок. И много морщинок на шее.

— Что значит — остаешься? — недоверчиво спросила она.

Он взялся за спинку стула.

— Можно нам посидеть с тобой? — спросил он. — Это Гриша Быков. Сын Быкова.

Тогда она улыбнулась Грише той самой привычно-обещающей ослепительной улыбкой, которую так ненавидел Дауге.

— Очень рада, — сказала она. — Садитесь, мальчики. Гриша и Дауге сели.

— Меня зовут Мария Сергеевна, — сказала она, разглядывая Гришу. — Я сестра Владимира Сергеевича Юрковского.

Гриша опустил глаза и слегка поклонился.

— Я знаю вашего отца, — продолжала она. Она перестала улыбаться. — Я многим ему обязана, Григорий... Алексеевич.

Гриша молчал. Ему было неловко. Он ничего не понимал. Дауге сказал напряженным голосом:

— Что ты будешь пить, Маша?

— Джеймо*, — ответила она, ослепительно улыбаясь.

— Это очень крепко? — спросил Дауге. — Впрочем, все равно. Гриша, принеси, пожалуйста, два Джеймо.

Он смотрел на нее, на гладкие загорелые руки, на открытые гладкие загорелые плечи, на легкое светлое платье с чуть-чуть слишком глубоким вырезом. Она изумительно сохранилась для своих лет, и даже косы остались совершенно те же, тяжелые, толстые косы, каких давно уже никто не носит, бронзовые, без единого седого волоса, уложенные вокруг головы. Он усмехнулся, медленно расстегнул плотный теплый плащ и стащил плотный теплый шлем с наушниками. У нее дрогнуло лицо, когда она увидела его голый череп с редкой серебристой щетиной возле ушей. Он снова усмехнулся.

— Вот мы и встретились, — сказал он. — А ты почему здесь? Ты ждешь кого-нибудь?

— Нет, — проговорила она. — Я никого не жду.

Она посмотрела в окно, и он вдруг понял.

— Ты провожала, — тихо сказал он.

Она кивнула.

– Кого? Неужели нас?

– Да.

У него остановилось сердце.

– Меня? – спросил он.

Подошел Гриша и поставил на столик два потных ледяных бокала.

– Нет, – ответила она.

– Володьку? – сказал он с горечью.

– Да.

Гриша тихонько ушел.

– Какой милый мальчик, – сказала она. – Сколько ему лет?

– Восемнадцать.

– Неужели восемнадцать? Вот забавно! Ты знаешь, он совсем не похож на Быкова. Даже не рыжий.

– Да, время идет, – сказал Дауге. – Вот я уже и не летаю.

– Почему? – равнодушно спросила она.

– Здоровье.

Она быстро взглянула на него.

– Да, ты неважно выглядишь. Скажи... – Она помолчала. – А Быков тоже скоро перестанет летать?

– Что? – спросил он с удивлением.

– Я не люблю, когда Володя уходит в рейс без Быкова, – сказала она, глядя в окно. Она опять помолчала. – Я очень боюсь за него. Ты ведь знаешь его.

– А при чем здесь Быков? – спросил Дауге неприязненно.

– С Быковым безопасно, – сказала она просто. – Ну, а как твои дела, Григорий? Как-то странно, ты – и вдруг не летаешь.

– Буду работать в институте, – сказал Дауге.

— Работать... — Она покачала головой. — Работать... Посмотри, на что ты похож.

Дауге криво усмехнулся.

— Зато ты совсем не изменилась. Замужем?

— С какой стати? — возразила она.

— Я вот тоже так холостяком и остался.

— Неудивительно.

— Почему?

— Ты не годишься в мужья. Я знаю это по опыту.

Дауге неловко засмеялся.

— Не нужно нападать на меня, — сказал он. — Я просто хотел поговорить.

— Раньше ты умел говорить интересно.

— А что, тебе уже скучно? Мы говорим всего пять минут.

— Нет, почему же? — вежливо сказала она. — Я с удовольствием слушаю тебя.

Они замолчали. Дауге мешал соломинкой в бокале.

— А Володю я провожаю всегда, — сказала она. — У меня есть друзья в управлении, и я всегда знаю, когда вы улетаете. И откуда. И я всегда его провожаю. — Она вынула соломинку из своего бокала, смяла ее и бросила в пепельницу. — Он единственный близкий мне человек в вашем сумасшедшем мире. Он меня терпеть не может, но все равно он единственный близкий мне человек. — Она подняла бокал и отпила несколько глотков. — Сумасшедший мир. Дурацкое время, — сказала она устало. — Люди совершенно разучились жить. Работа, работа, работа... Весь смысл жизни в работе. Все время чего-то ищут. Все время что-то строят. Зачем? Ты понимаешь, Григорий?

— Понимаю, — сказал Дауге.

— Ты всегда понимал. Ты всегда понимал мир, в котором ты живешь. И ты, и Володька, и этот скучный Быков. Иногда я думаю, что вы все просто очень ограниченные люди. Вы просто не способны задать вопрос — «зачем?». — Она снова отпила из бокала. — Ты знаешь, недавно я познакомилась с одним школьным учителем. Он учит детей страшным вещам. Он учит их, что работать гораздо интереснее, чем развлекаться. И они верят ему. Ты понимаешь? Ведь это же страшно! Я говорила с его учениками. Мне показалось, что они презирают меня. За что? За то, что я хочу прожить свою единственную жизнь так, как мне хочется?

Дауге очень хорошо представил себе этот разговор Марии Юрковской с пятнадцатилетними пареньками и девчонками из районной школы. Где уж тебе понять, подумал он. Где тебе понять, как неделями, месяцами с отчаянием бьешься в глухую стену, исписываешь горы бумаги, исхаживаешь десятки километров по кабинету или по пустыне, и кажется, что решения нет и что ты безмозглый слепой червяк, и ты уже не веришь, что так было неоднократно, а потом наступает этот чудесный миг, когда открываешь наконец калитку в стене, и еще одна глухая стена позади, и ты снова бог, и Вселенная снова у тебя на ладони. Впрочем, это даже не нужно понимать. Это нужно чувствовать. Он сказал:

— Они тоже хотят прожить жизнь так, как им хочется. Но вам хочется разного.

Она резко возразила:

— А что, если права я?

— Нет. — Дауге помотал головой. — Правы они. Они не задают вопроса: зачем.